А. КРУЧЕНЫХ

Е 40 — 167
ШКАФ

ПРИЕМЫ ЛИНИНСКОЙ РЕЧИ

— 1928 г.
Москва —
3-е ИЗДАНИЕ
Издат-во Всероссийского Союза Поэтов

Е40/167
Ф6 01/112

А. КРУЧЕНЫХ

ПРИЕМЫ ЛЕНИНСКОЙ РЕЧИ

К изучению языка Ленина

3-е ИЗДАНИЕ

ПРОДУКЦИЯ № 143-а

Монтаж обложки Г. Клуцис

Издание Всероссийского Союза Поэтов
Москва—1928

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ ____ г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
№ 9836
11.VII.28
БИБЛИОТЕКА

Главлит № А—4775. Тир. 1000 экз.

19-я Типография „Мосполиграф'а", ул. Огарева, 9.

К 3-му изданию.

Просматривая настоящую книгу для нового издания, я убедился, что намеченные мною основные линии не нуждаются в исправлении. Работы других исследователей, вышедшие за последнее время, только подтверждают это. Так, напр., в книге А. Селищева „Язык революционной эпохи“ изд. Рабпроса 1928 г. тоже отмечена общая черта революционного языка: снижение высокого стиля, „стремление опростить язык, сообщить ему простонародный колорит“, до введения народных и даже „крепких“ слов. Это наблюдается и в речах Ленина, что А. Селищев подтверждает множеством примеров.

Причиной, побудившей меня выпустить настоящее издание, послужило и то, что 2-е издание быстро разошлось.

А. Крученых.

Январь, 1928 г.

Ко 2-му изданию.

Изучение языка В. И. Ленина во всем его богатстве и разнообразии,—задача, стоящая перед русской лингвистикой на ряд лет. В моей работе, естественно, возможно было выполнить лишь весьма небольшую часть этой обширной задачи. Я пытался здесь наметить некоторые вехи будущего исследования — преимущественно ленинских речей и агитационных статей.

Реформа, произведенная Лениным в построении их— громадна. Ленин коренным образом изменил конструкцию

фразы, ввел целый ряд новых слов и выражений, вызванных к жизни революцией. Все современные революционные ораторы и публицисты находятся под несомненным влиянием великого зачинателя — Ленина. Проследить это влияние во всей полноте—дело будущего.

Я хотел бы здесь отметить одно основное в речах Ленина: они являются блестящим примером преднамеренного и внутреннего обоснованного „снижения стиля". Революция, как известно, выбросила из обихода целый ряд высоких слов и пышных выражений; революционная масса ввела в общеупотребительный язык речения либо несуществовавшие до сих пор, либо носившие узкоместное значение. Ленин со всей своей гениальной чуткостью воспринял эту освежающую языковую струю и закрепил ее в политических речах и статьях.

Приемы, с помощью которых это было сделано, подлежат рассмотрению в моей работе. Поэтому я и считаю, что название—„Приемы ленинской речи" более соответствует содержанию книги, чем прежнее—слишком широкое—„Язык Ленина". Книга, которая когда-нибудь выйдет под этим последним заглавием—должна будет охватить большее количество материала и дать более исчерпывающие выводы, чем это сделано у меня. Пока же такой книги нет, настоящая работа является первым шагом по пути создания науки о ленинском языке.

Кроме того, она содержит систематически расположенный ряд особенно ярких и выразительных отрывков из статей и речей Ленина, что дает хрестоматийный материал для будущего исследователя, с одной стороны, и с другой—может явиться первой ступенью для начинающих работать над языком Ленина.

Москва, 1927 г.

Русский язык — Международный язык.

В настоящее время русский язык, вследствие особой роли нашей Октябрьской революции, является языком международной революции. Зная два-три слова: „Ленин“, „Большевик“, „Советы“—можно пройти весь мир, они—особая примета, пароль, по которому узнают друг друга рабочие всех стран.

Отсюда: важность изучения русской революционной речи не только для нас, но и в международном масштабе.

Кроме того: самая широкая и исчерпывающая литература о социалистической революции вышла на русском языке.

Всякому изучающему революционное движение, особенно последнего десятилетия, совершенно необходимо будет ознакомиться с обширной русской литературой по этому вопросу.

Конечно, прежде всего придется обратиться к первоисточнику, а именно: к рассмотрению и изучению речи Ленина, в которой, как в фокусе, собрана революционная энергия русского и международного пролетариата.

И также, как у Ленина до Октября, главным оружием было слово, так и теперь, до международного Октября, главным оружием Европы и Азии, Америки и Австралии является то же слово.

И поэтому, хотя речь Ленина в переводе на иностранные языки и теряет свои звуковые эффекты, свой „запах", но основные его тезисы достаточно четки и выразительны, благодаря почти машинной ясности и простоте его слов, и будут, даже в переводе, лозунгами рабочих масс всего мира.

Уже из того факта, что дело Ленина победило,— ясно и доказательно, что речь его практически была чрезвычайно сильна и целесообразна. Отсюда вытекает необходимость ее всестороннего изучения.

И многие чувствуют эту потребность. Так Б. Эйхенбаум в статье „Стилевые тенденции в речи Ленина"— предлагает ввести особый семинарий для изучения его языка.

> Изучение стиля Ленина должно быть предметом особых штудий—в связи с историей русского ораторского и журнального стиля. (Штудий=студий).

Предложение это имеет прочные основания: современникам Октября, молодежи особенно, необходимо соприкоснуться с языковой стихией Ленина, дабы успешно и планомерно проводить начатую им работу.

Т. Зиновьев об этом выразился так (на торжественном собрании Московского актива Комсомола 24-го ноября 1924 г., посвященном пятилетию КИМ'а):

> Было время, когда наши противники, с которыми мы спорили еще в подпольные дни, утверждали: „Что же ваш Ленин! Ни одно из его произведений не годится, чтобы быть переведенным на иностранные языки. Так говорил и т. Троцкий. Все, говорили тогда антиленинцы,—написано у Ленина специально для полемики, все написано дубоватым языком и т. п. Это никогда не станет достоянием кого бы то ни было, кроме узкой секты большевиков.

Так когда-то говорилось и говорилось с полным убеждением. А вот теперь наступает время, когда золотые книги тов. Ленина начинают переводить-ся на европейские языки. А потом будет время, когда будут переводиться и на азиатские языки и на языки всего мира. Разве кто-нибудь теперь в этом может сомневаться? В этом не сомневается теперь никто...

После долгого отсутствия Ленин появился в России в момент стихийного зачинания страны, т. е. в те минуты, когда надо не говорить, а действовать и разрушая старое—организовывать новое. И Ленин проявил себя гениальным организатором.

Во всякой организационной деятельности можно наметить три основных момента: 1) учитывание совершившегося факта, и в связи с этим—предвидение последствий этого факта, 2) момент отдачи распоряжений, 3) момент наблюдения за исполнением отданных распоряжений.

И все эти три момента требуют фиксации в слове логичном, ясном и убедительно простом.

II.

Великий практик.

Если спеца от литературы интересует больше всего „слово как таковое“, — то Ленина интересовало „дело как таковое“.

Слово являлось для его действий материалом подсобным.

Его замечание общеизвестно:

> Интернационализм состоит не в фразах, не в резолюциях, а в деле.

И еще резче и убедительней раз'ясняет он свою мысль в небольшой заметке.

> Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 г. Мною был уже составлен план следующей седьмой главы „Опыт русских революций 1905 и 1917 годов“. Но кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: „помешал“ политический кризис, канун Октябрьской революции 1917 года. Такой „помехе“ можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (Посвященный „Опыту русских революций“ 1905 и

1917 годов) пожалуй придется отложить надолго; приятнее и полезнее „Опыт революции“ проделывать, чем о нем писать.

Наблюдавший Ленина в работе Л. Троцкий отмечает эту основную черту:

> Этот величайший машинист революции не только в политике, но и в теоретических своих работах и в занятиях философией, и в изучении иностранных языков, и в беседах с людьми был неизменно одержим одной и той же идеей—целью. Это был самый, быть может напряженный утилитарист, какого либо выпускала лаборатория истории.

То же чрезвычайное впечатление отмечает и Б. Эйхенбаум:

> Речи и статьи Ленина—исключительно интересный материал для изучения ораторского стиля уже по одному тому, что слово было для него не профессией, не карьерой, а настоящим делом. При этом речь его обращена не к специалистам и не к «публике», а ко всему народу или ко всем народам.

Слово является для Ленина одною из самых великих, а может быть самой великой ценностью, как сигнал к действию. И его замечания об отношении к слову должны быть крепко затверженны всеми. Таково, например, предостережение:

> Слово „Коммуна“ у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами, или при их участии, сплошь и рядом уже об'является «Коммуной» и при этом нередко забывается, что столь почетное название

надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом.

Интересен в этом отношении случай, рассказанный Л. Троцким в его книге: „О Ленине".

Власть в Петербурге завоевана. Надо формировать правительство.

— Как назвать его? Рассуждал вслух Ленин.— Только не министрами: это гнусное исторпанное название...

— Народные комиссары? Что-ж, это пожалуй подойдет.

А правительство в целом?

— Совет Народных Комиссаров?

— Совет Народных Комиссаров, подхватил Ленин,—это превосходно: пахнет революцией.

Последнюю фразу помню дословно.

Отсюда требования Ленина к слову:

— Надо уметь приспособлять схемы к жизни, а не повторять ставшие бессмысленными слова.

Отсюда ясно: каждый начинатель обновляет словарь. И за Лениным числится огромное количество слов, созданных им быть может на лету, но кстати, так, что они внедрились в язык и могут войти в словари.

Интересны словечки Ленина по адресу Михайловского:

Решительно отказываюсь понимать. Если это полемист, то кто после этого называется пустолайкой?..

Знаменитое словечко «смычка» пущено Лениным

Надо показать эту **смычку**, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы все

крестьянская масса видела, что между ее тяжкой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов, есть связь.

И еще по другим поводам:

Будь следствие сколько нибудь похоже на следствие, а не на **склочную** статью...

Подумать только: в стране **бестоварье**...

Но в оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся»: **закомиссарившимся** к «обюрократившимся»...

Я бы очень хотел взять, например, несколько **гострестов**, если выражаться этим прекрасным русским языком, который так хвалит Тургенев, и показать, как мы умеем **хозяйничать**...

И еще:

Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство — **комчванство**, выражаясь тем же великим русским языком.

И еще множество слов, разорванных во всех сторонах: „Троцкизм", „субботники", „огосударствливание", „чистка", „подытоживать".

Весьма вероятно, что многие из этих слов не „изобретены" Лениным. Но раз услышав их — он их закрепил, оформил — и волей неволей мы будем связывать их с именем Ленина, считать их автором. И разве большинство „словотворцев" выдумывает сами слова, вводя их в свою речь?

Нет, они служат проводниками, посредниками языковой стихии, безымянным автором коих является масса

III.

Одиннадцать приемов речи Ленина*).

1) Резолютивность.

Ленин, прежде всего, человек дела, дела мирового. И результат этого мирового дела он предвидит, поэтому у него не остается места для колебаний, как у иных авторов, или ораторов, как бы советующихся с аудиторией.

В своих полит- речах и статьях Ленин говорит и пишет главным образом **резолютивно.** Он ставит себе задачей не перубедить собрание, но поставить его лицом к лицу с необходимостью — согласиться с совершившимся фактом:

---

*) Моей задачей в течении всей этой работы будет не столько д о к а з а т ь, сколько п о к а з а т ь: собрать воедино разбросанные в 20-ти томах соч. Ленина, его, особенно характерные, мысли о русском языке (со стороны его стиля), думаю, что это и явится самым лучшим н а г л я д н ы м д о к а з а т е л ь с т в о м.

Кроме того, я старался расположить их по отделам, приводя иллюстрации из сочинений Ленина же, и из воспоминаний его товарищей по работе, составив, таким образом, п л а н будущего большего труда.

Теоретические же обоснования Ленинского стиля уже намечены в работах „Опоязцев", на каковые мне и придется в дальнейшем ссылаться.

Жизнь шагает очень быстро, здесь она действует великолепно, история гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция „Коммуниста“ издать очередной номер—большинство рабочих в Питере уже разочаруется в ее идеях, потому что жизнь в это время показывает, что передышка—факт.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что если бы мы имели войну, —мы имели бы ту паническую бегущую армию, которую необходимо было остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война — сильнее чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений.

Вся эта статья является необычайно смелым и точным учетом совершившихся событий, а последние слова ее являются определенно-формулированным тезисом: „война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений“—таков факт—считайся с ним!

Революционность требует точного оформления своих тезисов и положений в ясной, сжатой, почти декретивной форме.

В статье „О характере наших газет“ Ленин выставляет свои требования к современной деловой речи краткой и содержательной, как телеграмма:

> Говорить об этом надо, каждый новый факт в этой области отмечать надо, но не статьи писать, не рассуждения повторять, а в нескольких строках, в „телеграфном стиле“ клеймить новые проявления старой, уже известной, уже оцененной политики.

Тратить лишних слов он не любил, сводя итоги длинных логических рассуждений к тезисам.

Вспомним:

3-го апреля (1917) он приехал в Россию, а уже 4 IV выступил во фракции большевиков Петроградского Совета, где медленно и членораздельно прочитал свои знаменитые тезисы о неизбежности второй революции и о тактике. В тот же вечер он прочел эти же 17 тезисов на пленуме Петроградского Совета.

По поводу Брестского мира Ленин свел свою речь к тезисам.

Ленинские „пункты" обычно ложились в основу декрета.

Таким образом, резолютивность речи Ленина была связана с ее активностью.

2) Активность.

С Лениным было трудно спорить, замечает английский беллетрист Уэльс после беседы с Ильичем.

Потому что у Ленина слова непосредственно переходили в дело—а спорить с фактами, конечно, трудно.

Почему так активны речи Ленина?

Потому, что набрасывая ли статью, или говоря перед массой, он чувствовал себя главным образом не публицистом, но оратором, чье слово имеет своим выводом действие.

> Что ни абзац, то костыль, то лестница для восхождения в уже руками осязаемое отдаленное.
>
> П. Чужак.

Активность речи Ленина нарастает в связи с ходом событий.

Если в молодости и в период подпольной революционной деятельности, он много времени отдавал труд

и научному и теоретическому его крупные работы: Развитие капитализма в России, Материализм и Эмпириокритицизм, Аграрная программа с.-д. и первой русской революции, Новые данные о законах развития капитализма и земледелии и др. и пр.), то в связи с нарастанием политических событий в России, речь его ораторско-агитационная, ударная, каковую мы, главным образом, и рассматриваем.

Необычайная целеустремленность Ленина была одной из причин его активности, которая не признает сомнений и половинчатости.

Отсюда —определенность, законченность его речи.

> Середины нет. Опыт показал, что середины нет.

И еще:

> О середине не могло быть и речи. Должно наступить господство рабочего класса и социализма.
>
> Победа коммунизма неизбежна. Победа будет за нами.

Ленину дается масса в окончательном виде. Остается два пути, ибо остальные отрезаны: отвергнуть их или принять целиком, так как масса становится лицом к лицу с совершившимся фактом.

Это также один из приемов речи Ленина: припереть к стене логикой жизни.

Прием этот уже отмечался критикой. Так, в статье Б. Кавашского «Речь Ленина (Опыт риторического анализа) мы читаем:

> Он обращается не к чувству и не к воображению, а к воле и решимости. Его речь не развертывает панораму для пассивного созерцания, не служит гидом, ведущим равнодушного туриста -

она борется со слушателем, вынуждая его к активному решению, и для этого припирает его к стене.—«Ни с места. Руки вверх. Сдавайся». Вот характер Ленинской речи. Она не допускает выбора. Мне кажется, что в этом и состоит специфическая сущность ораторской, в частности, политической речи.

Манера Ильича доводить речь до последней остроты вызвала меткое замечание Веры Засулич о „мертвой хватке" Ленина.

Вера Ивановна (Засулич), по ее собственному рассказу, говорила Ленину: „Жорж (Плеханов)—борзая—потреплет, потреплет и бросит, а вы — бульдог, у вас —мертвая хватка".

Об активности речей Ленина замечает Сталин

Замечательны были две речи тов. Ленина, произнесенные на этой конференции: о текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и громких фраз, бьющих на эффект,— все это выгодно отличало речи тов. Ленина от речей обычных „парламентских" ораторов. Но меня пленила тогда не эта сторона речей тов. Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: „Логика в речах тов. Ленина — это какие-то все-

сильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из об'ятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал".

Я думаю, что эта особенность в речах т. Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

3. Диалектика.

Ленин говорил: «середины нет» для каждого **данного** политического момента, но это, конечно, не значит, что резкость и законченность его речи были на «веки веков». Если в данный момент Ленин «не признает сомнений», то в поступательном историческом процессе вчерашние **несомненности** могут стать в противоречие с действительностью и требовать нового подхода к жизни, новых тезисов, — так, напр., было со знаменитыми лозунгами «грабь награбленное» и «разрушай фронт»,— они имели смысл только при определенной политической обстановке, а при дальнейшем развитии событий, сыграв свою роль, претерпели диалектическое изменение.

Диалектика — характеризует наиболее общие законы развития.

Диалектика берет человека в реальных условиях его существования и, главным образом, человека, как члена своего класса, сына своего века. Диалектика не станет рассуждать „вообще"—но применительно к практическим условиям задачи, которая решается.

Ленин был величайшим диалектиком, совмещая в себе диалектически мыслящего и диалектически действующего человека.

Необычайная диалектичность мышления и жизненной практики Ленина, конечно, отражалась и на его стиле:

Стиль Ленина—стиль движения.

Ленин изображает и анализирует процессы.

И стиль его дает много примеров, как явление переходит в свою противоположность, как с изменением количества изменяется и качество. Так напр., требование права на труд переходит в своем развитии в требование права на леность:

> Автор не знает, должно быть,—как и подобает маленькому буржуа, — что западно-европейский трудящийся люд давно перерос ту стадию развития, когда он требовал «права на труд» и требует теперь «права на леность», права на отдых от чрезмерной работы, которая калечит и давит его.

В этом примере — с усилением требования (увеличения количества) изменилось и качество — вместо труда —леность. И требование перешло в свою противоположность, что стилистически выразилось в весьма явном сопоставлении слов: «право на леность». Этот же переход явления в свою противоположность отмечается и в построении следующей фразы; где из иронического понятия „самостоятельность" возникает настоящая самостоятельность:

> Марксисты считают крупный капитализм явлением прогрессивным,—не потому, конечно, что он «самостоятельность» заменяет несамостоятельностью, а потому, что он создает условия для уничтожения несамостоятельности.

Или

> Не только для России, но и для Запада, наши народники не в состоянии понять того, как можно бороться с капитализмом — не „задерживанием" его развития, а ускорением его, не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно.

Уничтожить капитал можно и усиленно развивая капиталистические отношения, так как в своем полном развитии капитал — перейдет в свое отрицание...

Инерция человеческого сознания любит останавливаться на какой-нибудь идее, особенно если она показала однажды свою целесообразность и свое «величие».

Увлечься идеей, уверовать в нее и затем проглядеть новые факты — такова трагедия людей даже чрезвычайно идейных.

Испытанный диалектизм Ленина избавил его от подобных ошибок. Ленин всегда помнит: «Наше учение не догма, а руководство для действия» (слова Маркса и Энгельса).

Поэтому для Ленина нет теории верной «вообще» и навсегда:

> Для нас теория есть обоснование предпринимаемых действий.

Поэтому резолютивность и непреложность Ленина, будучи чрезвычайно активными в каждый отдельный момент, не имеют все же ничего общего с «абсолютными и вечными истинами», «вещью в себе».

Правильная революционная теория, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения.

Поэтому Ленин, как великий художник жизни, костяк теоретических схем покрывал живой плотью все время меняющейся и развивающейся действительности.

Ленин как бы говорит: «побольше черпайте из диалектического опыта, почаще проверяйте теорию опытом „предпринимаемых действий“, — такова сущность адогматизма великого деканонизатора — Ленина.

4) Ясность. Борьба с иностранным. Чистка речи.

Добросовестность Ленина толкала его к последней ясности. Колебания, кружения, путанные переходы фраз доводили его до гнева:

> Поменьше политической трескотни.
>
> Поменьше интеллигентских рассуждений. Поближе к жизни.

Слово **жизнь** здесь берется, как синоним реализма и простоты. Поэтому нечего искать в речах Ленина красот и украшений, нам придется рассматривать речь Ленина чаще всего как речь четкую, почти техническую.

> Борьба с буржуазной контр-революцией требует трезвости и уменья видеть и говорить то, что есть.

Ясность воображения Ленина помогала четкости его речи, быстрой ориентировке в сложных и запутанных вопросах.

Эта способность чрезвычайно важна для оратора, п. ч. он имеет ввиду не слушателя «вообще», а **данную аудиторию**, не всегда одну и ту же, почему точная запись речей не всегда годится для печати, для всех читателей.

Об этом различии Ленин замечает в послесловии к своей статье «Успехи и трудности Советской власти»:

> Потратив не мало труда на исправление моей речи, я вынужден обратиться с убедительной просьбой ко всем товарищам, которые хотят записывать мои речи для печати.
>
> Просьба состоит в том, чтобы никогда не полагаться ни на стенографическую, ни на какую иную запись моих речей, никогда не гоняться за их записью, никогда не печатать записи моих речей.
>
> Вместо записи моих речей, если есть в этом надобность, пусть печатают отчеты о них. Я видал в газетах такие отчеты о своих речах, которые бывали удовлетворительны, но я ни единого раза не видал сколько-нибудь удовлетворительной записи моей речи. Отчего это происходит — судить не берусь, от чрезмерной ли быстроты моей речи, или от ее неправильного построения, или от чего другого, но факт остается фактом. Ни одной удовлетворительной записи своей речи, ни стенографической, ни иной какой, я еще ни разу не видал.
>
> Лучше хороший отчет о речи, чем плохая запись речи. Поэтому я и прошу: никогда никаких записей моих речей не печатать.

Эта заметка еще раз показывает, что **форму** речи Ленин ставил очень высоко и относился к ней весьма внимательно.

Привычка оратора, имеющего перед собою аудиторию разнохарактерную и манера «бить сразу» явственно выступает в характерной мелочи: Ленин немедленно разъясняет то, что по его мнению может вызвать недоумение или неправильное толкование аудитории. Так,

за всякой иностранной цитатой — немедленно следует перевод:

> Одним из особенно наглядных подтверждений повсюду наблюдаемого массового явления роста революционного сознания в массе можно признать романы Анри Барбюса «Le feu» («В огне») и «Clarté» («Ясность»)...
>
> Диктатура означает — примите это раз на всегда к сведению, господа кадеты — неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, — власть...
>
> От Ирландии до России il n'y a qu'un pas (один только шаг).

Или:

> Что же делать? Надо „Aussprechen was ist" — „сказать что есть", признать правду, что у нас...

Может быть докучливая обязанность переводить и раз'яснять натолкнула Ленина на мысль, которую он и формулировал в следующей заметке:

Об очистке русского языка.

(Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях).

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты", когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает

газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам об'явить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет потому что это затрудняет наше влияние на массу, то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слова „будировать" в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать - на самом деле „сердиться", „дуться". Перенимать французски-нижегородское словоупотребление —значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли нам об'явить войну коверканью русского языка?

Н. Ленин.

В агитационных речах и в больших научных трудах Ленин борется с непонятностью и затуманенностью, с фетишизмом слов:

> Что же касается до меня, то я тоже «ищущий» в философии. Именно: в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное.
>
> («Материализм и эмпириокритицизм»).

5) Вред фраз.

Ясность, прямота и меткость—одна из основных черт речи Ленина.

Отсюда его гнев против „героев фраз“ и ряд агитационных замечаний, призывающих к борьбе с пышно-загромождающими построениями, со штампованной фразой и общими местами, с прогнившими затхлыми словами, являющимися плотиной новых действий, вотой, в которой запутывается рука борца:

> Нужно, чтобы было поменьше фраз, так как фразами вы не удовлетворите трудящихся...
>
> Невероятно горькой действительности—фразой не закрыть...
>
> ... Через год... этой декларации нельзя будет повторить, ибо эта декларация, если вы снимите с нее оболочку демократических фраз и парламентарных выражений, которые бы сделали честь оппозиции, если вы отбросите в сторону эти речи, которые многим нравятся, а нам кажутся скучными, и возьмете настоящую суть дела, то вся декларация зовет назад к буржуазной демократии и ничего больше.

Так сквозь оболочку слова Ленин различал людей.

И вряд ли ошибемся, если скажем, что всех людей он разделял на три категории: людей дела,—следовательно могущих стать друзьями и помощниками, героев фразы—значит врагов, и остальных, толпящихся и примыкающих—те ему были не нужны.

Опять главное внимание Ленина обращено на **дело**, на разоблачение тех, кто мягко стелят и кормят баснями. „Не дайте усыпить себя фразой“, „не прозевайте за старыми красивыми словами новых идей“—такими, приблизительно, словами предостерегает этот ста-

рый опытный политик молодых, часто за красивой внешностью не замечающих врага, верящих ему „на слово“. Если в поэзии или беллетристике **слово есть дело**, то в политике буржуазной совсем наоборот: слова созданы для того, чтоб **скрывать дела**. Отсюда ненависть Ленина к такому слову, и он его называет **фразой** вообще, а в частности:

> Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета об'ективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,—почвы под ними нет,—вот суть революционной фразы...
>
> ... Коммунист, не доказавший своего умения объединять и скромно направлять работу специалистов, входя в суть дела, изучая его детально,—такой коммунист часто вреден. Таких коммунистов у нас много и я бы их отдал дюжинами за одного добросовестно изучающего свое дело и знающего буржуазного спеца.

Задача Ленина—воспитать **деловое** поколение, вырастить техников и специалистов, в к-рых так нуждается наша экономически отсталая страна.

В политике также для Ленина важнее всего—деловые люди, причем он упирает на практичность, **будничность** дела, к-рые так часто забывает „широкая русская натура“:

> И составленные тов. Лениным листки именно об этом и говорят: об обращении инженеров и мастеровых с рабочими,—в особенности с работницами, над которыми в те дни издевались неслыханно,—о кипятке, о рабочем дне, о чрезмерных

вычетах, о штрафах, — словом о вещах, которые кажутся нам теперь весьма и весьма второстепенными.

(Зиновьев. „Ленин“)

О лживых фразах Ленин говорит, как о **жульничестве**, заподазривается само слово, рождается резкий термин Ленина „слово—мошенник“.

Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. „Формулы“ настоящего коммунизма отличаются от **пышного, торжественного фразерства** Каутских, меньшевиков и эсеров с их милыми „братцами“ из Бера имонно тем, что они сводят все к условиям труда. **Поменьше болтовни** о „трудовой демократии“, о „свободе, равенстве, братстве“, о „народовластии“ и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин в этих **надутых фразах** так же легко отличат жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно „гладкую“ физиогномию и внешность „благородного человека“ сразу и безошибочно определяет: по всей вероятности мошенник“.

Поменьше пышных фраз. Побольше будничного дела...

И дальше:

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского **фразистого** подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах.

Наша печать, например, мало ведет борьбу с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-де-

мократического прошлого, мало поддерживает простые скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма...

... Господа герои фразы! Господа, рыцари революционного краснобайства! Социализм требует отличать демократию капиталистов от демократии пролетариев.

Пышно махровые цветы красноречия бездарных и лживых политиков до того возмущали Ленина, что он, в пику им, готов лучше говорить нарочито «тупым» и грубым языком, чем пусто-трескучими фразами лжецов от политики.

б) Угловатость (повторения).

Приведем образец речи Ленина, на первый взгляд излишне перегруженной повторениями, цепляющимися друг за друга, тормозящими мысль,—но это только на первый взгляд! Во-время затормозить—в этом и заключается успех скорейшего прибытия к цели!

Письмо в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой, иногда прямо головокружительной—но все же на риск, считаю долгом написать следующее:

Восстание Корнилова есть крайне **неожиданный** (в такой момент и в такой форме **неожиданный**) и **прямо таки невероятно** крутой **поворот** событий.

Так резкий крутой **поворот**, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром надо быть архи-**осторожным**, чтобы не впасть в **беспринципность**.

По моему убеждению, в **беспринципность** впадают те, кто **оказывается** до оборончества или подобно другим (б-кам) до блока с эсерами, до поддержки Вр. Пр-ва. Это **архиневерно**, это **беспринципность**.

Мы станем **оборонцами** лишь после перехода власти к пролетариату, **после** предложения **мира**, **после разрыва** наших тайных договоров и связей с банками, лишь **после**. Ни взятие Риги, ни взятие Нитера не сделают нас **оборонцами**. До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы не **оборонцы**.

И поддерживать пр-во Керенского мы даже теперь не должны. Это **беспринципность**. Спросят: неужели **не биться** против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань, ее переходят иные б-ки, впадая в „соглашательство", давая увлечь себя потоком событий.

> Мы будем воевать, мы **воюем** с Корниловым, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это **разница**. Эта **разница** тонкая, но **архисущественная** и забывать ее нельзя.

В приведенном письме мы должны рассмотреть новый прием речи Ленина: повторения.

Они подчеркивают, что суть дела — главным образом в мысли, а не в слове, которое намеренно шероховато. Однотипность формы намеренно однообразной и равномерной мысли означает особое построение речи. И это не случайно. Если сначала речь подобного построения нам кажется перегруженной лестницей, цепью силлогизмов, то приглядевшись — мы принимаем построение это как известный прием, на который нельзя не обратить внимания.

Более подробное разъяснение этого приема дает т. Казанский:

> Прежде всего эти примеры указывают на большую стойкость словесного сочетания: те же слова, словосочетания, фразы возвращаются снова и снова, как лейт-мотивы в музыке.
>
> Иногда, в отрывистых, короткими ударами резких фразах Ленина — эти построения создают необычайную экономию слов, скупой, сжатый до крайности лапидарный стиль. В длительных, более плавно развертываемых периодах эти повторения служат каданцу, мерному раскачиванию речи и напряжению интонационного движения. Всегда они являются опорными центрами распределения словесной массы, узловыми точками, к которым она прикреплена и таким образом приведена в неподвижность, сосредоточена и замкнута. Эта внутренняя остановка движения придает слову огромную силу воздействия.

И дальше:

> ... Повторение создает строгий, своего рода геометрический стиль речи Ленина, прямолинейный, графический в силу крайней экономии средств, как чертеж, лишенный всякой раскраски, всякой затушевки, которые сделали бы четкие линии расплывчатыми и неопределенными.

Конечно, не всегда повторяемость ведет к краткости; надо не в ней, а в целесообразности этого приема.

7) Осложненные повторения.

Возьмем другой отрывок, на первый взгляд также перегруженный повторениями и даже ухищренными мысли, а на самом деле, при ближайшем рассмотрении, ясный и определенно прямой:

> Новая экономическая политика. Странное название. Эта политика пошла новой экономической политикой потому, что она поворачивает **назад**. Мы сейчас отступаем назад, но что мы делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед. Только под одним этим условием мы отступили назад в проведении нашей новой экономической политики.

К этому отрывку, где раз'яснены фразы, взятые не в прямом смысле, где показывается их обратная сторона, приложим отрывок из рассказа Бабеля — «Мой первый гусь».

> — Братишка, сказал мне вдруг Суровцов, старший из казаков, садись с нами снедать, покеда твой гусь доспеет.
>
> Он вынул из сапога запасную ложку и подал ее мне. Мы похлебали самодельных щей и съели свинину.
>
> — В газете что пишут?—спросил парень льняным волосом и опростал мне место.
>
> — В газете Ленин пишет, сказал я, вытаскивая Правду.
>
> ... И громко, как торжествующий глухой, я прочитал казакам Ленинскую речь.
>
> Вечер завернул меня в живительную влагу мрачных своих простынь, вечер приложил материнские ладони к пылающему моему лбу. И ни-

тал и любовал, подстерегал, ликуя, таинственную кривую Ленинской прямой.

— Правда всякую ноздрю щекочет,—сказал Суровцов, когда я кончил—да как ее из кучи вытащишь! А он бьет сразу, как курица по зерну.

Это сказал о Ленине Суровцов, взводный штабного эскадрона.

В этом отрывке мы сталкиваемся с двумя определениями речи Ленина: одно в устах интеллигента, и тот определяет ее отвлеченно: «Кривая Ленинской прямой».

А взводный определяет образом—«Бьет сразу, как курица по зерну», вытаскивая правду из целого вороха слов.

И нельзя не отметить, что оба определения достаточно метко подходят к сущности своеобразно повторяющихся речей Ленина.

8) Разжевывания.

В своих агитационных речах и статьях Ленин иностранные слова почти никогда не оставлял без перевода или без раз'яснения. Напр., после заглавия «О компромиссах» идет немедленное толкование:

> Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований, в силу соглашения с другой партией...

Умение и пристрастие Ленина к раз'яснениям—подмечены взводным: «бьет сразу». Ленин раз'ясняет, не откладывая в долгий ящик; тут же на месте, немедленно, чтобы не заставлять ждать предвкушать и, в ожидании,—забыть.

Виктор Шкловский замечает:

> Особенностью стиля Ленина является отсутствие заклинания. Каждая речь или статья как будто начинает все сначала. Терминов нет, они являются уже в середине данной вещи, как конкретный результат разделительной работы.
>
> Спор Ленина со своими противниками, будут-ли то его враги или товарищи по партии, начинается обычно со спора „о словах"— утверждения, что слова изменились.

„Утверждение о том, что слова изменились"—и есть прием разъяснения, ибо для того, чтобы условиться, как именно слова изменились, и прибегают к новой формулировке и разъяснению нужных слов и понятий.

С какой целью пользуется Ленин этим приемом и умышленно ли?

Ясно, что прием умышленный: повторение и подчеркивание „вколачивает в головы" слова, непонятные или ошеломляющие с первого раза своей неожиданностью и новшеством.

То же отмечает и Б. Томашевский: в статье «Конструкция тезисов»:

> В своих «Письмах о тактике» Ленин говорит чтобы не допустить ни тени сомнения на этот счет, я дважды подчеркнул в тезисах необходимость терпеливой, настойчивой «приспособляющейся к практическим потребностям масс» работы «разъяснения».

Подчеркнуто это и в послесловии к тезисам, построенном в форме полемики с Гольденбергом:

> Я пишу, читаю, разжевываю, ввиду несомненной добросовестности...

Ряд статей, разбитых на большие главы, начинается с разжевывания чисто-теоретических положений. Вот образец построения ленинской речи, в которой преобладают немедленные раз'яснения.

Заголовок статьи расположен в первых же фразах.

И если сразу дается известный тезис, формула, то в дальнейшем эта формула распространяется, раз'ясняется и только тогда Ленин переходит к обсуждению ее:

Грозящая катастрофа и как с ней бороться.

Голод надвигается.

России грозит неминуемая катастрофа. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, ибо дорог. что неслыханная катастрофа будет крахом Республики, и демократизм Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов облегчат возврат к монархии и восстановление власти буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо...

Полная бездеятельность правительства.

Происходит повсеместный, систематический, неуклонный саботаж всякого контроля, надзора и учета, всякие попытки наладить его со стороны государства. И нужна невероятная наивность, чтобы не понимать, нужно сугубое лицемерие, чтобы прикидываться непонимающим, откуда этот саботаж исходит, какими средствами он производится...

Общеизвестность и легкость мер контроля

Может возникнуть вопрос, не представляют ли способы и меры контроля чего-либо чрезвычайно сложного, трудного, неиспытанного, даже неизвестного. Не об'ясняется ли затяжка тем, что государственные люди кадетской партии, торгово-промышленного класса, партии эсеров и меньшевиков, в поте лица своего трудятся уже пол-года над изысканием, изучением, открытием мер и способов контроля, но задача оказывается трудной и все еще нерешенной?..

9) Кавычки.

Всматриваясь в особенности стиля Ленина, мы должны убедиться, что статьи и речи его пестрят кавычками.

Прием этот, умело использованный, создает еще ряд новых эффектов—в кавычки берутся по б. ч. слова, подчеркивающие иронию, насмешку, балагурство.

То же делается и с словом, если в нем изменить ударение.

Если одна ударная буква изменила смысл фразы, то слово или ряд слов, попав за решетки кавычек, чувствуют себя уже лишенными обычного смысла и получившими новую силу.

Проследим отрывок, в коем, слова „осадное положение", три раза встречающиеся, все три раза имеют особый оттенок:

> Меня нисколько не пугали страшные слова об „осадном положении в партии", об исключительных законах против отдельных лиц и групп.

По отношению к неустойчивым и шатким элементам мы не только не можем, мы обязаны создавать „осадное положение" и весь наш устав партии, весь наш утвержденный отныне с'ездом

централизм есть ничто иное, как „осадное положение“ для столь многочисленных источников политической раздробленности.

Также и в следующих отрывках иронические слова взяты в кавычки.

В советах господа „социалистические“ министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать „к пирогу“ доходных и почетных местечек побольше „эсеров и меньшевиков“, с другой стороны, чтобы занять внимание народа. А в канцеляриях, в штабах «работает» «государственную» работу...

Товарищ говорил, что теперь у них есть «южбум» и что они воюют против этого «южбума», и когда я спросил, в какое учреждение они подали жалобу против этого «южбума», он ответил, что не знает, а ведь это важно.

Назвать это учреждение, куда подавалась жалоба на «южбум», они не в состоянии. Что такое этот «южбум», я не знаю: это наверное учреждение, страдающее тем же бюрократическим извращением, как и все наши другие советские учреждения.

Пристрастие Ленина к кавычкам отметил и Ю. Тынянов:

Обращу сначала внимание на один с виду мелкий, а на деле характерный лексический прием Ленина: Ленинские кавычки.

Из фраз противника изъимается слово и ставится под кавычки (графические или интонационные). Стоит просмотреть статьи и речи Ленина,

чтобы увидеть, что они пестрят кавычками. Ленин любил говорить словами противника, но он их заставляет заподозривать, лишает их силы, оставляет от них шелуху.

И дальше:

Из слова вырвута вещь, которая не адекватна слову — слово поколеблено в его связи с вещью и дана поправка.

У Ленина есть и не только иронические кавычки, сплошь и рядом он употребляет в кавычках вообще слова ходовые, «не свои» этим как-бы подчеркивается, что автор за слово не ручается, что он берет первое попавшееся слово для обозначения вещи. Таким образом, здесь слово не разоблачается, а за него просто не ручаются. Эти кавычки осторожные. И это показывает языковую осторожность Ленина.

10) Утилитарность поэзии.

Наличие иронии, ненависть к полувнятности, к фразам и умение видеть вещь, как вещь — вот основные черты ленинской речи. Поэтому поэзия, особенно лирическая, что по выражению одного из составителей старинных учебников стихосложения есть «выражение чувствований растроганной души», — не занимала его.

Поэзия же, имеющая перед собою какое-нибудь практическое достижение — всегда казалась ему и нужной и полезной. Вот его замечание об одном из стихотворений Маяковского на Всероссийском съезде металлистов по поводу нашего пристрастия к заседаниям:

Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам этого поэтиче-

ского таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области, но давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а на счет политики ручаюсь, что это совершенно правильно.

Замечания подобного рода очень редки, о стихах, да тем более о современных. Изредка, правда очень изредка, Ленин прибегает к стихотворным цитатам, но опять-таки он применяет их с целью утилитарной и агитационной:

Ты и убогая—
Ты и обильная...

Ленин только изредка черпает из «недр» классической поэзии, иностранной и русской (Лессинг, Пушкин, Некрасов).

Поэтому интересно отметить, что в период вынужденного бездействия его, сказавшегося, в частности, в вынужденном „пребывании на даче“ на ст. Разлив, Приморской жел.-дороги под Петербургом в шалаше, ибо тогда был издан Временным Правительством приказ об его аресте—в этот период (август, сентябрь 1917 г.) один рифмованный отрывок очевидно вполне гармонировал с его душевным настроением, ибо он повторяет его дважды по различным поводам, в двух различных статьях:

Большевики в особенности имели честь испытать на себе эти приемы преследования республиканских империалистов. Большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Г. Клуцис.

Установка для лозунгов.

«Workers of the vorld unite». (Пролетарии всех стран, соединяйтесь).

of the
KEIRS

... Он слышит звуки одобренья
не в сладком ропоте хвалы,
а в диких криках озлобленья.

Дикие крики озлобленья почти тотчас вслед за началом русской революции несутся против большевиков со страниц всей буржуазной и почти всей мелко-буржуазной печати. И большевик, интернационалист, сторонник пролетарской революции, по справедливости, может в этих диких криках озлобленья „слышать“ звуки одобренья, ибо бешенная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого.

Последние слова: „оклеветанного, травимого, преследуемого“ дают прямое указание на его искреннее негодование по поводу распространяемой против него клеветы, как яко-бы союзника Вильгельма.

И в другом месте:

По поводу злобной брани «Речи» можно и должно повторить:

Мы слышим звуки одобренья
не в сладком ропоте хвалы,
а в диких криках озлобленья.

Что буржуазия нас так дико ненавидит,— это одно из наглядней[illegible] пояснений той истины, что мы правильно указываем народу путь и средства для свержения господства буржуазии.

Цитирует Ленин однако «по вдохновению»—так в первом случае цитата начинается «Он слышит», а во втором—«Мы слышим».

Ирония убивает лирику. Выражения „чувствований какой-нибудь растроганной души“ уже не нужно Ленину, ибо он поворачивает и укрепляет настроение массы. В его задачи уже не входит воздействовать на единичного слушателя, увлечь его фантастикой „искусства для искусства“. Ему важно научить самому главному — умению жить, работать, свободно действовать.

Большинство статей и речей Ленина относятся к агитационному жанру. Самые заглавия его статей часто звучат как обличение или как лозунг: «Максимум беззастенчивости и минимум логики», «Народничающая буржуазия и растерянное народничество», «Со ступеньки на ступеньку», «Учиться у врагов», «Пусть решают рабочие!», «Колебания сверху — решимость снизу» или знаменитое «Лучше меньше, да лучше».

Он почти всегда имеет перед собой, с одной стороны — противников и врагов, с другой — некую массу, на которую нужно воздействовать, которую нужно убедить. В связи с этим речь его всегда окрашена, с одной стороны, тоном иронии и насмешки, с другой — тоном категорического, энергического утверждения.

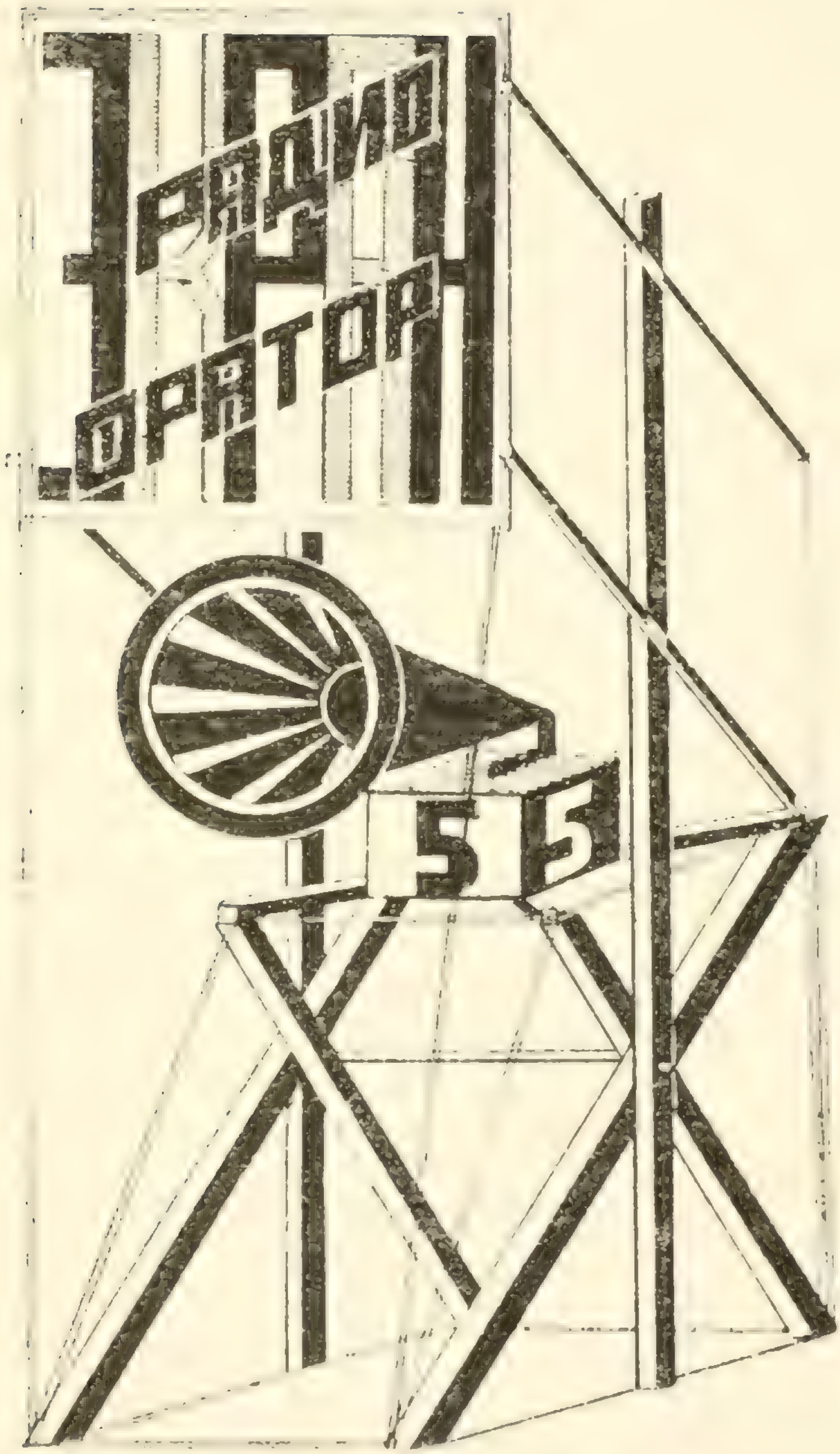
(Б. Эйхенбаум.).

Ясно, что сентиментальной лирике и прекраснодушию в его статьях и речах нет места.

Слишком зоркий, подозрительный глаз не может обольститься иллюзорной красивостью. Ленину никого не нужно воспевать, ибо он сам будет воспет поколениями.

Г. Клушс.

Радио-оратор.


PROTON
M5

11) Снижение стиля.

Иному ложно-классическому Цицерону показалось бы совершенно недопустимым ввести в речь о борьбе за „прекрасное будущее“, в ряду высоких идей и слов, какое-нибудь совершенно специфическое „брезгливое“ слово,—„Стиль будет испорчен“.

Ленин как раз знал, что наибольшее впечатление именно и произведет это «немыслимое» сочетание, показывающее лицо самого беспощадного художника жизни—революционного быта:

> И третий еще бич на нас надвигается—вошь, сыпной тиф, который косит наши войска. Здесь, товарищи, нельзя себе представить того ужаса, который происходит в местах, пораженных сыпным тифом, когда население обессилено, ослаблено, нет материальных средств, всякая жизнь, всякая общественность исчезает.
>
> Тут мы говорим: товарищи, все внимание этому вопросу.
>
> Вши победят социализм или социализм должен победить вшей.

В первый момент эта фраза ошеломляет. Что общего между словом «вошь» и понятием «социализм». Чтобы иметь смелость их сочетать, выявляя между ними острый антагонизм? Однако это сопоставление создает особый прием словесного воздействия—образность, резкость, а главное—агитационную убедительность.

Этот прием речи Ленина отмечает и Шкловский:

> Люди, желающие понять стиль Ленина, должны прежде всего понять, что этот стиль состоит в факте перемены, а не в факте установления. Когда Ленин вводит в свои произведения бытовой факт, то он не „стандартизирует“ этот быт,

а пользуется бытом для изменения масштаба сравнения.

Он сравнивает большое с малым, пользуется примером минимальной величины, чтобы сбить слово с фальцета, распевелить его.

И дальше:

Ленин презирает людей, которые заучили книжки. Его стиль состоит в снижении революционной фразы, в замене ее традиционных слов — бытовым синонимом.

В этом отношении стиль Ленина близко примыкает по своему основному приему к стилю Льва Толстого. Ленин против названия, он устанавливает каждый раз между словом и предметом новое отношение, не называя вещи и не закрепляя новое название.

В. Шкловский.

Вместо казенных приемов красноречия: „мы из этого положения выйдем с честью". Ленин дает такое бытовое рабочее выражение:

> Нужда и болезни велики. Голод 1921 года их усилил дьявольски. Вылазим с трудом чертовским, но вылазим и начали вылезать.

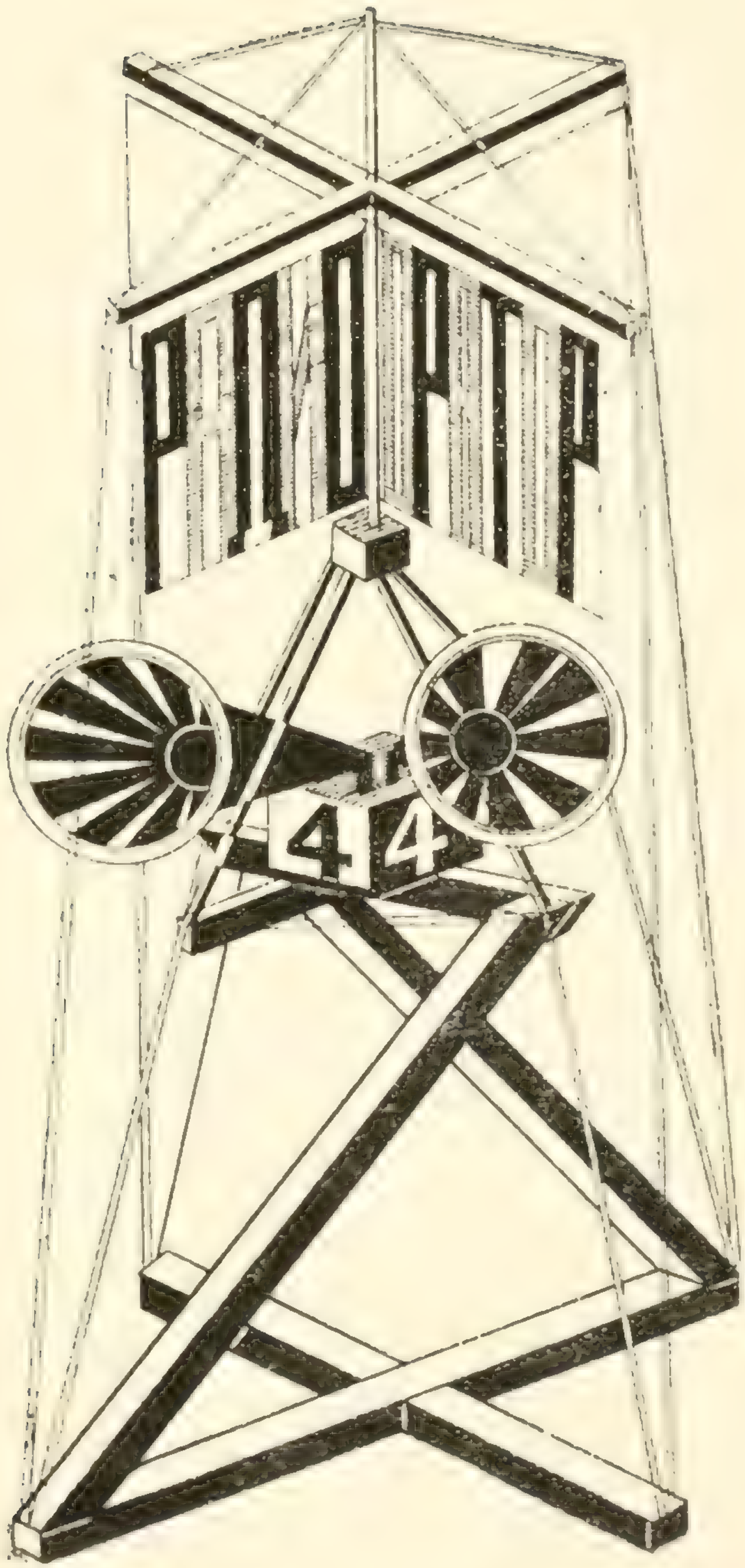
И еще:

> Я должен сказать, что из этого кризиса также начинаем вылезать.

Контрастными являются слова «Кризис и вылезать». А вот начало письма к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком:

Г. Клуцис.

Радио-оратор.


PUMPA
44

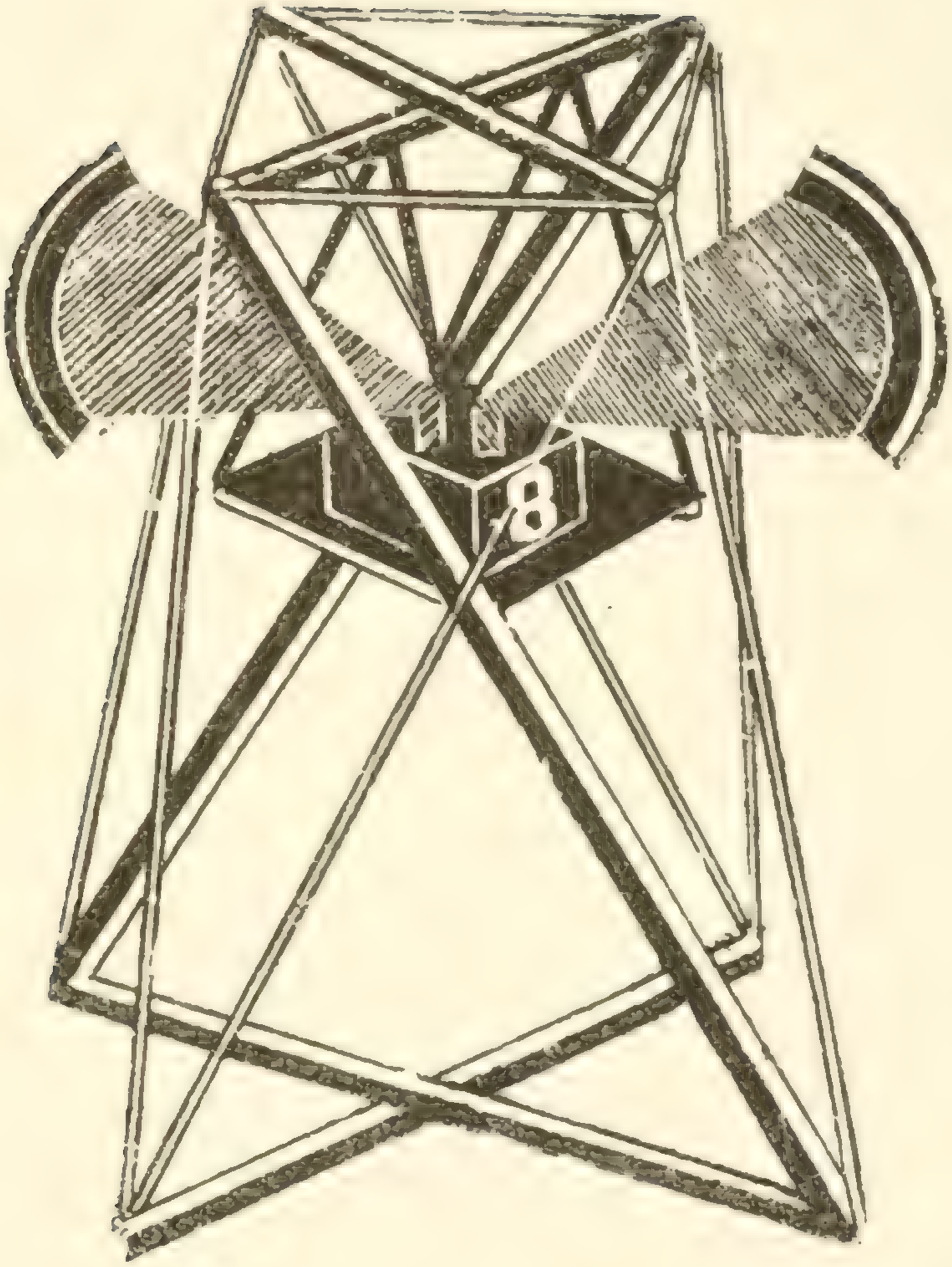
Товарищи! Красные войска освободили от Колчака весь Урал и начали освобождение Сибири. Рабочие и крестьяне Урала и Сибири с восторгом встречают Советскую власть, ибо она вымечет железной метлой всю помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения.

Здесь — просто употребление «крепких слов», не прививавшихся ранее в буржуазных парламентах и салонах.

Если Пушкин во сне сочинял и декламировал стихи, то подсознательное Ленина было иного порядка. Об этом интересно рассказывает Н. Крупская:

> Ильич метался. Он попросил Бронского разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию. Скоро выяснилось, что контрабандист может довезти только до Берлина. Кроме того, контрабандист был как-то связан с Парвусом, а с Парвусом, нажившимся на войне и превратившимся в социал-шовиниста, В. И. никакого дела иметь не хотел. Надо искать другого пути. Какого? Можно перелететь на аэроплане, не беда, что могут подстрелить. Но где этот волшебный аэроплан, на котором можно доехать до желающей революцию России? Ильич не спал ночи на пролет. Раз ночью говорит: «Знаешь, я могу поехать с паспортом немого шведа». Я посмеялась. «Не выйдет, можно во сне проговориться. Приснятся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед».

Сопоставление понятий дотоле несовместимых запоминается неотразимо.



Г. Клуцис.

Радио-оратор.

Совершенно замечательный эффект имели два слова: Грабь награбленное!

Снижение высокого стиля — смелость великого, кому ничто человеческое не чуждо, который охватывал как вершины, так и низы.

Ленин говорил за рабочих и за народ. И говорил от их лица и их языком.

Положения о снижении высокого стиля у Ленина детально разработаны в статье Л. Якубинского (Леф 1 5), а ряд цитат, подтверждающих это положение, мы находим также у многих исследователей „опоязовцев", часть которых приведена выше.

Источники влияния на речь Ленина.

Некоторые критики и теоретики стихо и прозо-логии, отметив основные стилевые особенности Ленина, пытались определить источники влияний на формацию его речи и проследить источники ее зарождения и развития, причем большинство указывает на сходство с приемами Л. Толстого (реализм, последняя ясность).

Б. Эйхенбаум говорит определенно:

В общем стиль Ленина представляет собою своеобразное сочетание трех стилевых слоев: русской интеллигентско-книжной речи, восходящей к Чернышевскому, русской разговорно-обиходной и спорщитской речи, («словечки») и латинского ораторского стиля (Цицерон). Последний элемент является, очевидно, следом классического образования, полученного Лениным и, может быть, бессознательно использованного им для конструкций некоторых речей и статей. Внедрением второго элемента он нарушает традиции интеллигентской речи и снижает их. Пафос «будничных слов» и выражений («очень уж недопустимых») является отличительной чертой его стиля. Здесь он исторически соприкасается с тем разрушением традиционной «поэтичности», которое отличало Толстого и которое в резкой форме явилось заново у

футуристов — в частности у Маяковского. Традиции «высокого ораторского стиля» смещены, несмотря на сохранение целого ряда традиционных классических приемов, получающих в таком сочетании новое функциональное значение.

Ю. Тынянов относится к этому вопросу более осторожно:

> Откуда идет Ленинская речь, где ее историчеекие зародыши и корни — это особый вопрос. На его резких, порою каламбурных формулах, в особенности же на полемических языках (Ср.: «Оголение бонапартизма», «обкрадывание демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма», «о героях подлога», «детская болезнь левизны») и на названиях полемических статей отразилась большая западная традиция революционного стиля: из русских именно на политический стиль Ленина несомненно влиял стиль Герцена, в особенности намеренно вульгаризированный стиль его маленьких статей в «Колоколе», с резкими формулами и каламбурными названиями. Но эта традиция была освежена вводом небывалого свежего лексического материала. Этот лексический материал сдвигает речь Ленина

Ю. Тынянову яснее самая суть речи Ленина:

> Речь Ленина — упрощенная, сниженная, вносящая в традицию ораторской речи и политической литературы быт, — и потому необычно динамичная, влияющая, — есть новый этап в революции этих речевых конструкций; отдельные черты Ленинского стиля восходят к особой традиции.

И правильно. У каждого человека есть предки и родители, но не забудем, что главную роль играет в его

развитии не родители, а сверстники и товарищи. Относясь с должным уважением к речевым «предкам» Ленина, мы должны оговориться, что задачей нашей было рассмотрение речи именно его, Ленина.

Что же касается до источников, то, если по мнению Эйхенбаума он и имеет в пра- предках Цицерона,—то с ним он сходен лишь в эмоциональности и в редком темпераменте ораторского таланта.

Что же касается до ближайших источников, то в разговорах о Цицероне и Герцене забыты главные-- Маркс и Энгельс.

Но Маркс, в мучительной творческой выработке сложнейших формул — (иной раз разработка формулы в целой главе)—прорабатывал их, главным образом, теоретически, тогда как Ленин — быстро двигаясь от одного понятия к другому, — окончательно формулировал их и стремился непрестанно осуществлять.

Вторым источником развития речи Ленина является партийный парламентаризм-- постоянное участие в заседаниях, парткомиссиях, с'ездах — школа эта создает «председателя мировой революции».

Благодаря этой школе, у Ленина образуется привычка авторитетно и ясно формулировать мнение коллектива.

А самый главный источник — умение слушать русский народ и говорить за народ, за всю трудовую массу, справедливо видящую в речи Ленина — свой собственный мировой голос!

IV.

Антирелигиозные речи и статьи Ленина.

До сих пор мы брали цитаты из политических и агитационных речей и статей Ленина, и видели, как оживлялись и зажигались слова от его магического дыхания. Слово жило, трепетало. И поэтому с первого взгляда можно удивиться почти формальному разъясняющему и дидактическому методу, когда Ленин обращается к вопросам религии.

Об'ясняется это просто.

Ленин не интересовался вопросами религии. Она просто для него не существовала.

В анкете при всероссийской переписи членов РКП(б) на вопрос «Если вы неверующий, то с какого возраста»? Он ответил кратко:

— С 16 лет.

Ленину было интересно и нужно бороться с конкретным врагом. Против же **пустого места**—каким являлась для Ленина религия—какая борьба? Ясно, что пустое место нужно заполнить чем-либо полезным практически.

Ленин один из первых решительно и свободно оформил зачатки атеизма, бродившие издревле в мозгу ве-

ликих людей. (Вспомним хотя бы как Леонардо да Винчи, еще в 15 веке заменял слово бог—понятием «Первый двигатель», как Джордано Бруно отверг распятие перед сожжением на костре и ряд других великих атеистов).

Для Ленина не существует ни православия, ни католичества, —все тяготения к молитвам он подводит к понятию «религия», представители которой— все духовенство, как белое, так и черное, являются паразитами, избегающими тяжелой общественной работы и предпочитающими в сытом уединении и в довольстве способствовать распространению религиозных предрассудков, чтобы лукавыми словами о повиновении, о рабстве нашем перед лицом всевышнего—царя небесного—заставить также преклоняться и трепетать перед царями земными.

Вот образцы религиозных речей Ленина, по обыкновению, переходящих в тезисы и афоризмы, ставшие ныне общеизвестными и боевыми:

Экономическое угнетение рабочих неизбежно вызывает и порождает всякие виды угнетения политического, приниженния социального, огрубения и затемнения духовной и нравственной жизни масс. Рабочие могут добиться себе большей или меньшей политической свободы за свое экономическое освобождение, но никогда никакая свобода не избавит их от нищеты, безработицы и гнета, пока не сброшена будет власть капитала. Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду в народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, в чер-

тей, в чудеса и т. п. Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду. А тех, кто живет чужим трудом—религия учит благотворительности в земной жизни, предлагая им очень дешевое оправдание для всего их эксплоататорского существования и продавая по сходной цене билеты на небесное благополучие. Религия есть опиум для народа. Религия—род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь.

Отметив факт религиозного одурманивания и учтя весь вред его для трудящихся, Ленин предлагает конкретные меры борьбы с «религиозным самогоном»:

> Наша программа вся построена на научном и притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает потому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного дурмана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор самодержавно-крепостническая государственная власть, должна составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы. Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал Энгельс немецким социалистам—перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической работы XVIII века.

Реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы

разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика разъединения пролетарских сил, сегодня прорывающаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра может быть дойдется и до каких-нибудь более тонких реформ. Мы во всяком случае противопоставим ей терпеливую, спокойную и выдержанную, чуждую всякого разжигания взаимных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного миросозерцания.

Революционный пролетариат добьется того, чтобы религия стала действительно частным делом для государства. И в этом, очищенном от средневековой плесени политическом строе, пролетариат поведет широкую, открытую борьбу за устранение экономического рабства, истинного источника религиозного одурачения человечества.

Эти мысли Ленина стали своего рода „азбукой атеизма", по того жизненной, что закрепились в быте, в поэзии, в песне.

В. Маяковский подобного рода чувства выразил в четверостишии:

Нам надоели небесные сласти —
дайте хлебнице жрать ржаной!
Нам надоели бумажные страсти
дайте жить с живой женой!

(«Мистерия Буфф»).

Ленин знал только одну „веру" —веру в знание, науку и творчество рабочего дела.

Часто общавшийся с Ильичем М. Горький отмечает эту черту так:

> Вот этот человек говорит речь на собрании рабочих; он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой топора, но в его суровых речах я никогда не слыхал ни грубой демагогии, ни пошлого фантовства красивой фразой. Он говорит всегда одно: о необходимости в корне уничтожить социальное неравенство людей и о путях к этому. Эта древняя правда звучит в его устах резко, непримиримо: всегда чувствуешь, что он непоколебимо верит в нее, и чувствуешь, как спокойна его вера — вера фанатика, но фанатика ученого, а не метафизика, не мистика. Мне кажется, что ему почти неинтересно индивидуально человеческое, он думает только о партиях, массах, государствах, и здесь он обладает даром предвидения, гениальной интуицией мыслителя-экспериментатора. У него есть та счастливая ясность мысли, которая дается только путем непрерывной работы.
>
> Один француз спросил меня:
>
> — Не находите ли вы, что Ленин—гильотина, которая мыслит?
>
> — Работу его мысли я сравнил бы с ударами молота, который, обладая зрением, сокрушительно дробит именно то, что давно пора уничтожить.

Крылатые словечки Ленина.

Таковы его слова о сущности соглашательских стремлений Каутского и Гильфердинга:

О соглашателях.

«Они хотели сочетать законным браком учредилку и диктатуру пролетариата»!

«Только первый шаг труден», говорит французская пословица. Или по-русски: «Первая ромочка колом, вторая соколом, остальные мелкими пташечками».

О Плеханове.

«Разница между оракулом и Плехановым та, что оракул предсказывает события, а Плеханов изрекает свои вердикты после миновавших событий, преподносит горчицу после ужина, проявляя свою мудрость и дальновидность на счет вчерашнего дня».

О Ларине.

На XI съезде РКП, выступая против т. Ларина, Ленин сказал:

Фантазия есть качество величайшей ценности, но у т. Ларина ее маленький избыток. Напр., я бы сказал, что если бы весь запас фантазии Ларина разделить поровну и на все число членов ЦК II, тогда бы получилось очень хорошо.

О Толстом.

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, и в школе Толстого—действительно кричащие.

С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской земли, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны, помещик, юродствующий о Христе! С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, с другой — толстовец, т.-е. истасканный, истеричный хлыщ, называемый русским интеллигентом.

С одной стороны—самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок, с другой стороны,—проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религия, стремление поставить на место попов на казенной должности, т.-е. культивированное самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины.

Заключение.

Хотя Ленин и прислушивался к мнению большинства, но не всегда с ним считался.

И. Сталин отметил это так:

> Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство — это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали моменты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, — он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то, — как он часто говорил, — что: „принципиальная политика есть самая верная политика".

(Особенно характерен в этом отношении период 1914—1917 г., когда Ленин был почти единственным, ко-

терый поднял решительную борьбу против социал-шовинизма, „разоблачал измену Гэдов и Каутских и клеймил половинчатость межеумочных революционеров". И. Сталин).

В силу чрезвычайной дальнозоркости и принципиальности Ленина, его язык, кроме общо-революционных достоинств, имел и индивидуальные: — железная последовательность, непреклонность „мертвая хватка", которые мы и старались показать в настоящей работе, проследив эти черты во всех одиннадцати приемах Ленинской речи.

Язык Ленина продолжает и сейчас расти и развиваться: чем больше мы его узнаем и изучаем тем сильнее убеждаемся в его важности не только для современников, но и для подрастающих Октябрят, которые создадут международный Октябрь.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Всероссийского Союза Поэтов

(Тверской бульвар, 25, „Дом Герцена“).

1. Союз. № 1.—Сборник Всероссийского Союза Поэтов. М. 1921 г.

2. Союз. № 2.—Сборник Всероссийского Союза Поэтов. М. 1922 г.

3. М. Розман.—„Хевронское вино“. Стихи. Москва 1923 г.

4. Н. Церукавский.—„Соль земли“, с предисловием И. А. Аксенова. М. 1924 г.

5. Н. Берендгоф.—„Доктор Ночь“. Стихи. Москва 1924 г.

6. Антология.—„Поэты наших дней“. Москва—Пг. 1924 г.

7. Д. Кузнецов.—„Медальон“. Стихи. С предисловием И. С. Рукавишникова. М. 1924 г.

8. Г. Ширман.—„Машина тишины“. Стихи. Москва 1924 г.

9. „Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова“. Собрал и снабдил примеч. А. Крученых.

10. А. Крученых. „Заумный язык у: Сейфуллиной, Вс. Иванова. Леонова, Бабеля, Ар. Веселого и др.“.

11. Записная книжка В. Хлебникова. Собрал и снабдил примеч. А. Крученых.

Готовится к изданию:

12. Г. Ширман.—„Песнь о Хаосе“.

Книги А. Крученых.

1922—23 г.

„**Голоднян**“.—„**Зудесник**“.

„**Заумники**“—сборник Крученых, Хлебников, Петников, Родченко.

„**Фактура слова**“.

„**Сдвигология** русского стиха“.

„**Апокалипсис** в русской литературе“.

„**Фонетика театра**“ с предисловием Б. Кушнера.

„**Собственные рассказы детей**“. Собрал А. Крученых.

1924 г.

„**500 новых острот и каламбуров Пушкина**“. Собрал А. Крученых.

„**Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова**“. Собрал и снабдил примеч. А. Крученых.

„**Заумный язык у: Сейфуллиной, Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, Ар. Веселого**“.

Оглав.

Стр.

Русский язык—Международный язык 3

Великий практик 6

Одиннадцать приемов Ленинской речи:

1. Резолютивность 10
2. Активность 12
3. Диалектика 15
4. Ясность. Борьба с иностранным. Чистка речи . 18
5. Вред фраз 22
6. Повторения 25
7. Осложненные повторения 28
8. Разжевывания 29
9. Ирония. Кавычки 32
10. Утилитарность поэзии 34
11. Снижение высокого стиля 42

Антирелигиозные речи и статьи Ленина 52

Крылатые словечки Ленина 57

ОИК-67570 сф1952 904

12. **А. Крученых.**—Язык Ленина. М. 1925 г.
13. **Мария Шкапская.**—Кровь труда. Стихи. 2-ое изд.
14. **Мария Шкапская.**—Земные ремесла. Стихи. М. 1925 г.
15. **Мальвина Марьякова.**—Голубоснежник. Стихи.
16. **Э. Т. А. Гоффман.**—Принцесса Бландина. Перевод С. Игнатьева и Александра Оленина. М. 1925 г.
17. **Жив Крученых.**—Сборник статей Б. Пастернака, С. Третьякова, Т. Вечорки, Д. Бурлюка и др.
18. **Людмила Попова.**—Разрыв-трава. Стихи. ЛНГ. 1925 г.
19. **А. Крученых.**—Фонетика театра. 2-ое изд. М. 1925 г.
20. **А. Крученых.**—Против попов и отшельников. М. 1925 г.
21. **С. Нариманов.**—Белый Якорь. М. 1925 г.
22. **М. Ройзман.**—Пальма. М. 1925 г. (распр.).
23. **И. Рукавишников.**—Сказка про попа Федула. М. 1925 г.
24. **А. Крученых.**—Ванька Каин и Сонька Маникюрщица.
25. **Вл. Гиляровский.**—Москва и москвичи. Воспоминания. Обложка работы Б. Б. Титова. М. 1926 г.
26. **Варварка Бутягина.**—Паруса. Стихи. М. 1926 г. Обложка работы Б. Б. Титова.
27. **Петр Скосырев.**—Бедный Хасан. Стихи. М. 1926 г.
28. **Н. Захаров-Менский.**—Маленькая лампа. М. 1926 г.
29. **Иван Устинов.**—Третья книга стихов с предисловием И. Рукавишникова. М. 1926 г.
30. **Георгий Шебуев.**—Холодный дом. Стихи.
31. **НОВЫЕ СТИХИ.** Сборник первый. М. 1926 г. (распр.).
32. **А. Крученых.**—Календарь. М. 1926 г.
33. **А. Крученых.**—Драма Есенина. М. 1926 г.
34. **Григорий Ширман.**—Клинопись молний. М. 1926 г.
35. **Григорий Ширман.**—Созвездие змеи. М. 1926 г.

Цена 50 коп. 1296

36. **ПАМЯТИ ЕСЕНИНА.** Сборник I.
37. **Григорий Ширман.**—Череп. Стихи. М. 1926 г.
38. **Григорий Ширман.**—Карусель Зодиака М. 1926 г.
39. **Любовь Никольская.** Сверстники ветра. Стихи.
40. **Евгений Ланн.**— Писательская судьба Максимилиана Волошина. М. 1927 г.
41. **Иван Грузинов.**— Есенин разговаривает о литературе и искусстве. М. 1927 г.
42. **П. Петровский.**—Тоска по музыке. Стихи. М.
43. **Н. Власов-Окский.** — Цветной шатер. Стихи. М.
44. **Д. Благой.** — Классовое самосознание А. Пушкина М. 1927 г.
45. **Г. А. Шенгели.**— Маяковский во весь рост, М.
46. **Г. А. Шенгели.**— Как писать статьи, стихи и рассказы. М. 1927 г.
47. **Г. А. Шенгели.**—Норд-Ост. Стихи. М. 1927 г.
48. **Борис Кисин.** Стихи. М. 1927 г.
49. **Новые стихи.** Сборник II-й. М. 1927 г.
50. **Е. К. Шварцбах - Молчанова.**— Неотправленные письма. Стихи. М. 1927 г.
51. **А. Крученых.**—Новое в писательной технике.
52. **А. Крученых.**—Приемы Ленинской речи.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

1. **Новые стихи.** Сборник III-й.
2. **„Наш ответ Чемберлену“.** (Стихи).
3. **А. Я. Луганский.**— Земное счастье. Стихи.
4. **Неоклассики. Лирика.** 4-й сборник.
5. **Ф. В. Ференц-Соколовский.**—Долина Эхо. Поэма.
6. **А. Н. Чичерин.**—Большак. Поэма.
7. **М. Э. Нетропов.**— Улыбки недавнего. Рассказы.